

*Ю.А. Лысенко***Взаимоотношения Русской православной церкви со старообрядчеством и сектантством в Казахстане (вторая половина XIX – начало XX в.)****Yu. A. Lysenko***Relations between the Russian Orthodox Church and Schism and Sectarianism in Kazakhstan (the Second Half of the XIXth – the Beginning of the XXth Centuries)**

Рассматриваются проблемы, связанные с определением содержания взаимоотношений Русской православной церкви со старообрядчеством и сектантством, получившими активное развитие в Казахстане во второй половине XIX в.

На основе анализа широкого круга архивных данных установлено, что эти взаимоотношения носили жесткий характер, православная церковь использовала весь доступный арсенал методов и средств, направленных на борьбу со старообрядчеством и сектантством. Главным содержанием этой борьбы стала организация миссионерства среди раскольников и религиозно-нравственная пропаганда среди православных жителей с целью пресечения их перехода в раскол.

Ключевые слова: православие, старообрядчество, секта, Российская империя, Казахстан, миссионерство.

Как известно, раскол в Русской православной церкви был достаточно широким социально-религиозным движением. Методы и средства борьбы с ним менялись в зависимости от экономической и политической ситуации в государстве, но общим итогом чаще всего была насильственная или добровольная миграция старообрядцев за Урал. Их появление в Казахстане было связано с началом присоединения его территорий к Российской империи и строительством серии укрепленных линий в приграничной с Южной Сибирью зоне. Гарнизоны строившихся на протяжении укрепленной линии крепостей, форпостов и редутов комплектовались казаками Уральского и Оренбургского казачьих войск, на 90% состоявших из старообрядцев [1, с. 54–56].

Строительство военно-укрепленной линии в Верхнем Прииртышье, территориально отдаленной от административных центров Оренбургского края и Сибирской губернии – Оренбурга и Тобольска, сопровождалось нехваткой кадров для комплектировки гарнизонов крепостей и проблемой их продовольственного обеспечения. Поэтому «после неудачной попытки ввести казенное хлебопашество, Сибирская

The article discusses the problems associated with the definition of the relations between the Russian Orthodox Church with schism and sectarianism which received the active development in the second half of the XIXth century in Kazakhstan. According to the analysis of a large amount of archive data it is established that this relations had tight constitution. The Russian Orthodox Church used all available methods and tools aimed at the struggle with the Old Belief and sectarianism. The main mission of this struggle was to spread missionary work among dissenters and religious and moral propaganda among the Orthodox population to prevent their transition to schism.

Key words: orthodoxy, Old Belief, sect, Russian Empire, Kazakhstan, missionary work.

администрация “закрывала глаза” на самовольное переселение крестьян в регион». На протяжении второй половины XVIII в. старообрядцы активно осваивали бассейн Иртыша и его притоков. В 1782 г. по данным четвертой ревизии на Рудном Алтае насчитывалось 15 населенных пунктов – Бобровская Слобода, Красноярская на Иртыше, Крутоберезовская, Красноярская на Убе, Плоская, Ново-Алейская, Улбинская, Пропорщигово, Зевакино, Убинская, Шемонаихинская, Екатерининская, Старо-Алейская, Верх-Убинская, Секисовская. Общая численность населения составила 8801 чел. обоего пола [1, с. 60–61].

Таким образом, к началу XIX в. на территории Казахстана определились два крупных центра старообрядчества. Одним из них являлся Западный Казахстан, значительные земельные массивы которого, принадлежавшие казахам Младшего жуза, были отмежеваны в пользу Уральского казачьего войска. Вторым центром старообрядчества стал Восточный Казахстан – Верхнее Прииртышье, где, в отличие от первого региона, основными носителями старообрядчества выступали не казаки, а крестьяне – беглые или ссыльные.

С 70-х гг. XIX в. Казахстан стал регионом активного выхода крестьян-переселенцев из центральных губерний Российской империи. Одним из следствий этого процесса явилось распространение сектантских движений по всей территории региона. Здесь были представлены практически все поповские и беспоповские толки и согласия, лидеры сект вели активную религиозную пропаганду среди православного населения.

На протяжении второй половины XIX в. в Казахстане неизменно происходил рост численности старообрядцев и сектантов за счет естественного прироста, крестьянского переселения и «совращения в сектантство». В этой ситуации перед томскими, омскими, оренбургскими и туркестанскими епархиальными властями, юрисдикция которых распространялась в том числе на территорию Казахстана, была поставлена задача организации внутренних православных миссий, целью деятельности которых должна была стать антистарообрядческая и антисектантская пропаганда.

В результате в Оренбургской епархии в 1875 г. был создан епархиальный комитет Православного миссионерского общества, на который была возложена координация деятельности антиисламской и антиязыческой миссии. По его инициативе в 1886 г. начало функционировать Михаило-Архангельское братство, целиком сосредоточившее свою работу на борьбе с сектантством и старообрядчеством в Оренбургской епархии. В 1888 г. были созданы его Уральское, Челябинское, Верхнеуральское и Троицкое отделения, в 1889 г. – Орское, в 1893 г. – Гурьевское и в 1896 г. – Кустанайское. В 1893 г. при Михаило-Архангельском братстве «для общего руководства миссией» начал действовать Противораскольничий комитет, который направлял работу и антисектантской, и антистарообрядческой миссий.

На востоке Казахстана до образования Омской епархии в 1895 г. приходы Змеиногорского уезда Томской губернии подчинялись юрисдикции Томской епархии. Для противодействия сектантству и старообрядчеству здесь в 1884 г. было создано Томское епархиальное братство во имя святого Димитрия, митрополита Ростовского. В уставе братства указывалось, что главной целью его деятельности является «защита православной веры и церкви от пропаганды инославия, раскола, сектантства и неверия, содействие успехам православия всеми возможными средствами и обращение в лоно церкви последователей существующих лжеучений в пределах Томской епархии» [2, с. 85–87]. Одновременно с институциональным оформлением Томского епархиального братства им. митрополита Дм. Ростовского в 1884 г. были открыты его филиалы в Бийске, Мариинске, в 1885–1886 гг. – в Семипалатинске, Усть-Каменогорске, Барнауле, Каинске, Кузнецке, Нарыме [3, с. 2].

В Туркестанской епархии в 1879 г. в качестве миссионерской структуры было создано Туркестанское епархиальное братство, в 1886 г. преобразованное в Казанско-Богородичное просветительское братство, которое ставило своей целью «распространение религиозно-нравственного просвещения» среди православного населения Туркестанского генерал-губернаторства. Омское епархиальное братство было учреждено в 1898 г., устав которого определял основные направления его деятельности: «оказание материальной помощи присоединенным к православию инородцам, сектантам, раскольникам; распространение среди народа религиозно-нравственного просвещения и различных полезных знаний» [4, л. 32об.].

Создаваемые в пределах епархий братства являлись организациями, членство в которых было открыто для широких слоев общества, ограничений по имущественному и социальному рангам не предполагалось. Например, к 1905 г. в состав Туркестанского Казанско-Богородичного братства входили 180 чел. [5, с. 54]. Для поощрения и пропаганды деятельности братств в их ряды, как правило, вступали высокопоставленные чиновники местной администрации, духовные власти. Все вступившие обязывались выплачивать взнос не менее 3 руб. в год, но поощрялись и пожертвования на более крупные суммы.

При братствах создавались епархиальные советы, координирующие и направляющие их деятельность. В среднем в год проводилось 8–9 заседаний таких советов, в ходе которых обсуждались вопросы «о преграждении сектантской пропаганды, ведомой сектантами в нарушение существующих распоряжений о круге деятельности сектантских наставников», методы борьбы с расколом, распределялись средства братств [6, с. 6]. Денежные средства шли, как правило, на организацию миссионерской деятельности среди старообрядцев и сектантов в виде оплаты поездок священникам-миссионерам в приходы, наиболее «зараженные расколом», поддержание церковно-приходских школ, закупку литературы православно-миссионерского содержания для бесплатного ее распространения среди населения и формирования библиотечных фондов при церковноприходских школах, организацию и проведение внебогослужебных чтений и т.д.

С 1888 г. по итогам I Всероссийского миссионерского съезда и принятия «Правил об устройстве миссий и способе действий миссионеров и пастырей Церкви по отношению к раскольникам и сектантам» в епархиях Казахстана начали вводить должности епархиальных, уездных или окружных миссионеров. Так, в Михаило-Архангельском братстве Оренбургской епархии в 1886 г. была учреждена должность епархиального антираскольничьего миссионера, а в районах уездных округов – должности окружных миссионеров: в Оренбургском с 1887 г., в Челябинском

с 1891 г., в Уральском с 1894 г. К 1907 г. в епархии к трем окружным миссионерам добавился еще один – Верхне-Уральский [7, с. 8].

В 1908 г. в Оренбургской епархии была введена должность епархиального антисектантского миссионера. Таким образом, в епархии действовали два епархиальных миссионера: первый координировал борьбу со старообрядчеством, второй – с сектантством. Как активизацию борьбы с расколом и сектантством на территории Тургайской области, входившей в компетенцию оренбургских архиепископов, следует считать и образование в 1914 г. Кустанайского викариатства.

В 1889 г. в Томской епархии были учреждены должности трех епархиальных миссионеров для борьбы со старообрядчеством. Один из них – миссионер Бийского и Кузнецкого округа – охватывал в своей деятельности южные районы Бийского уезда – часть территорий современной Восточно-Казахстанской области. Кроме того, в епархии были определены шесть уездных миссионеров, в том числе Бийско-Усть-Каменогорский [8, с. 12].

В Омской епархии противосектантская миссия была учреждена в 1900 г., противораскольничья – в 1903 г. Цель их деятельности была сформулирована следующим образом: «Насаждать, утверждать и охранять в жизни и деятельности меньшей во Христе братии любви и преданности Церкви, Престолу, Отчеству, как залог их благосостояния, благоденствия и истинного счастья» [9, с. 5]. К 1916 г. Омская миссия состояла из двух епархиальных миссионеров, шести антираскольничьих миссионеров: омского, павлодарского, атбасарско-кокчетавского, акмолинского, тюкалинского, ишимского и двух антистарообрядческих: бухтарминского и тарско-тюкалинского. Кроме того, для борьбы с расколом и сектантством в миссии имелось пять миссионеров-сотрудников: иеромонах Серафим, диакон С. Скоырский, псаломщик А. Ложкин, А. Казаков, И. Сорокин.

24 июня 1909 г. должность антираскольничьего и антисектантского миссионера с содержанием в 2500 руб. в год была учреждена в Туркестанской епархии.

Главным содержанием деятельности оренбургского, томского, омского, туркестанского антираскольничьих и антисектантских епархиальных миссионеров являлась организация и проведение религиозно-нравственных бесед, посещение частных домов старообрядцев и сектантов с миссионерской целью, раздача литературы богословского содержания, поездки по уездам епархии. Например, в 1899 г. Оренбургский епархиальный миссионер дважды посетил Челябинский уезд, три раза Уральскую область и один раз Оренбургский уезд [10, с. 38]. В 1915 г. омский епархиальный антираскольничий миссионер священник совершил 11 миссионерских поездок по Атбасарскому, Тюкалинскому, Петропавловскому и Каинскому уездам, провел 35 полемических бесед

с сектантами, 54 беседы «предупредительного характера», 24 миссионерских поучения, 4 лекции и 41 урок на миссионерских курсах. Фиксировались случаи, когда раскольники сами приглашали епархиального миссионера участвовать в беседе-состязании с «выписанными ими начетниками» из старообрядческой среды.

По аналогичной схеме выстраивали свою работу окружные, уездные и областные противораскольничьи и противосектантские миссионеры. В своей работе они руководствовались «Общими правилами по устройству миссий» 1888, 1908 гг., в рамках которых они освобождались от выполнения обязанностей приходских священников и должны были вести исключительно миссионерскую деятельность: распространять богословскую литературу, посещать собрания сектантов и старообрядцев, проводить внебогослужебные собеседования, организовывать проведение полемических бесед и участвовать в них. О результатах своей деятельности окружные и областной миссионеры отчитывались перед епархиальным миссионером и противораскольничьим комитетам каждые три месяца и по окончании года.

Областные и окружные миссионеры координировали и направляли антираскольничью миссионерскую деятельность приходских священников. Последние не освобождались от приходских обязанностей, но в свободное время и параллельно с основной работой, призывались вести православную пропаганду среди раскольников и сектантов. Как правило, их деятельность на этом поприще сводилась к увещанию последних и распространению среди них литературы.

Открытые собеседования со старообрядцами – полемические беседы – стали одной из наиболее распространенных форм борьбы с сектантством и старообрядчеством в епархиях Казахстана. Они проходили обычно в зданиях местных школ, в присутствии православных прихожан. Темы бесед подбирались в соответствии с особенностями старообрядческого толка: для раскольников австрийского согласия – «о непрерывной иерархии христовой церкви и семи спасительных таинствах», с беспоповцами – «о престосложении для крестного знамения, антихристе, посолонном хождении, некоторых таинствах». Кроме того, обсуждались проблемы раскола Русской православной церкви, клятвы соборов 1666–1667 гг., законность священства Белокриницкой иерархии.

Беседа начиналась, как правило, с краткого изложения православного учения. Затем православный священник ставил вопрос, на который предлагал ответить собеседнику – старообрядческому начетнику, таким образом, завязывалась дискуссия. Каждый из участников дискуссии имел право говорить не более 15 минут, полемическая беседа длилась иногда до пяти часов. Присутствующие на собеседовании прихожане –

православные и раскольники – имели право выражать эмоционально свое отношение к происходящему [10, с. 182–191].

Содержание полемических бесед и их ход, как привило, публиковались в епархиальных ведомостях. При этом речь и аргументы православного священника цитировались полностью, в то время как старообрядческого начетника – в пересказе, небольшими по объему фрагментами. При этом подчеркивалась несостоятельность его аргументов и доводов. По свидетельству православных священников, после беседы раскольники уходили «невеселые, обманувшись в своих расчетах. Они ожидали поражения православных, но пришлось разочаровываться» [10, с. 187]. Успех беседы в пользу православного священника доказывался готовность присутствующих на беседе старообрядцев перейти в новообрядную православную церковь.

Какая-либо периодичность проведения полемических бесед отсутствовала. Так, например, в ноябре 1885 г. в Уральске Оренбургской епархии состоялись четыре полемические беседы известного раскольничьего начетника Перетрухина с православным священником Крючковым. «Беседы эти продолжались с 10 ч. утра до 8 ч. вечера и возбуждали такой живой интерес, что слушатели каждый раз в продолжении 10 ч. почти не выходили из церкви» [11, л. 57об].

Важное значение в деле организации борьбы со старообрядчеством и сектантством оренбургские, томские, омские и туркестанские епархиальные власти придавали сотрудничеству с местными администрациями. Особенно актуализировалось данное сотрудничество в вопросе выявления в общей массе крестьян-переселенцев старообрядцев и сектантов и пресечения их религиозной пропаганды среди православного населения региона.

Правительство и церковные власти четко, как правило, совместно отслеживали ситуацию о состоянии, количестве раскольников и сектантов в епархиях. Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД ежегодно собирал сведения об их количестве по епархиям, о фактах появления новых течений в сектантстве, количестве отклонившихся в раскол и результатах деятельности внутренних миссий. Например, 16 мая 1908 г. в МВД России был утвержден Устав Евангельского союза, целью деятельности которого было «...объединение христиан и распространение евангельского учения». 22 декабря 1909 г. Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД обратился к военному губернатору Семиреченской области «ввиду необходимости выяснения характера деятельности названного союза... в возможно непродолжительное время сообщить, распространена ли на вверенную вам губернию деятельность названного союза, и в утвердительном случае, в чем именно таковая проявляется».

Копия этого обращения была разослана военным губернатором Семиреченской области копальскому, лепсинскому, джаркентскому, пржевальскому, пишпекскому уездным начальникам. И уже 3 апреля 1910 г. на основании донесений, сделанных ими, военный губернатор области сообщал в Департамент духовных дел, что «...деятельность русского Евангельского союза... до сего времени в Семиреченской области не распространена» [12, л. 2].

Использовалось сотрудничество светских и духовных властей в деле борьбы с сектантской пропагандой. Примером может служить обращение епископа Омского и Семипалатинского 31 июня 1901 г. к генерал-губернатору Степного края А.Н. Сухотину с просьбой: «...в целях ограждения православных от увлечения лжеучением штунды, сделать распоряжение к пресечению злоупотреблений сектантов, устраивающих на соблазн православных свои собрания вопреки Высочайше утвержденному 4 июля 1894 г. положению Кабинета Министров» [13, л. 33–35об.].

А.Н. Сухотин сразу же отдал распоряжения военным губернаторам областей Степного генерал-губернаторства и атаману 2-го военного отдела Сибирского казачьего войска о принятии безотлагательных и самых энергичных мер «...как к прекращению молитвенных собраний штундистов, так и к предубеждению на будущее подобных собраний».

Уже 10 августа 1901 г. атаман 2-го военного отдела Сибирского казачьего войска рапортовал, что в Управление были вызваны из Атаманского хутора старшие из штундистов, «именующие себя баптистами, из числа проживающих в Атаманском хуторе и окрестностях его крестьяне Оренбургской губернии и уезда Елецкой волости... которым лично мною объявлено, что закон воспрещает им молитвенные собрания и проявления из лжеучения, направленные на свращение в их секту». Помимо этого, соответствующее распоряжение было сделано уездным начальникам, которым вменялось в обязанности в случае обнаружения собраний штундистов «...составлять протоколы и представлять их уездному начальнику для привлечения виновников к ответственности» [13, л. 39].

В рамках постановлений III Всероссийского миссионерского съезда, состоявшегося в Казани в 1897 г., и на основании действующего законодательства сотрудничество светских и духовных властей осуществлялось и в вопросе возбуждения уголовных дел по факту незаконной пропаганды сектантов. Возбудить такое дело можно было только по требованию духовного начальства. После этого дело передавалось в судебные инстанции, судебное расследование проводилось духовными лицами, «... по окончании которого устанавливается статья закона, при этом приглашаются эксперты в апелляционном порядке».

Значительное внимание вопросам старообрядчества и сектантства уделяли специально созда-

ваемые в Степном крае и Туркестанском генерал-губернаторстве комитеты, в состав которых входили представили как светской, так и духовной власти. Примером такого сотрудничества являлись комитеты по устройству религиозно-нравственного быта переселенцев, созданные в Туркестанской, Оренбургской и Омской епархиях в 1907–1908 гг. Данные комитеты занимались решением целого комплекса проблем, связанных с развитием церковно-приходского и школьного строительства в епархиях, повышением общего уровня религиозного просвещения православных крестьян-переселенцев, ограждением их от влияния сектантской пропаганды.

Контролировали местные власти Степного и Туркестанского краев и вопросы регистрации религиозных общин раскольников и сектантов. Например, в ноябре 1910 г. старообрядцы поморского брачного согласия, проживавшие в Пржевальске, обратились к военному губернатору Семиреченской области с просьбой о разрешении им основать религиозную общину. В январе 1911 г. ими был получен отказ на основании того, что «под заявлением этим (заявление о создании общины. – Ю.Л.) подписались всего 26 лиц, между тем, согласно ст. 7 Правил о порядке устройства последователями старообрядческих согласий общин заявления о желании образовать общину должно быть подписано не менее чем 50 лицами» [14, л. 1–7].

Таким образом, организация и деятельность внутренних миссий стала важным направлением деятельности Русской православной церкви в Казахстане, направленной на выявление и пресечение старообрядческой и сектантской пропаганды в крае. В то же время, наряду с организацией работы внутренних миссий, в специфических условиях Казахстана XVIII–XIX вв., когда только шел процесс заселения его православным населением и формирования церковно-приходской жизни, важнейшей задачей Русской православной церкви считалась необходимость повышения религиозно-нравственного уровня православного населения Казахстана с целью пресечения его перехода в старообрядчество и сектантство. Главной целью пастырской деятельности провозглашалось возвышение в верующих «спасительных истин веры и нравственности», пробуждения в казачестве и крестьянстве любви к вере путем раскрытия ему значения христианской нравственности для «устроения истинного счастья человека» [15, с. 272]. Для реализации этой задачи Русской православной церковью был разработан арсенал методов и средств.

Первостепенное значение отводилось церковной проповеди как основной форме религиозно-нравственного воспитания. Священники обязывались вводить в ее содержание рассмотрение тех вопросов, которые подвергались раскольниками наибольшему сомнению. Кроме того, приходским священникам вменялось в должностные обязанности следить за

религиозно-нравственным состоянием паствы и ежегодно предоставлять отчеты – клировые и исповедальные ведомости, указывать в них причину уклонения прихожан от исповеди. О случаях, когда прихожанин не был на исповеди без уважительной причины более 3-х лет подряд, приходской священник обязан был сообщать об этом епархиальным властям. Последние, как правило, налагали епитимию на злостных нарушителей обряда [16, л. 1–3].

Важным направлением деятельности православного священничества, распространившегося во всех епархиях Степного края и Туркестана с 80-х гг. XIX в. и призванного укреплять религиозно-нравственный уровень православного населения, стало проведение внебогослужебных собеседований и народных чтений с прихожанами. Например, в Оренбургской епархии их организация находилась в ведении Оренбургского Михаило-Архангельского братства и проводились в церквях епархии. Лекторами на этих собеседованиях выступали священнослужители – члены братства.

Внебогослужебные собеседования были организованы по воскресным и праздничным дням или после окончания торжественных вечеров. В ходе их прихожан знакомили с историей Российской империи, проводились беседы на естественно-научные темы, дискуссионные вопросы богословия, разъяснялись богослужения, молитвословия, церковные посты. Посещаемость прихожанами таких мероприятий варьировала в зависимости от времени года, месторасположения церкви, наибольшая посещаемость фиксировалась во время Великого поста – до 300 чел. Завершались неизменно такие мероприятия бесплатной раздачей литературы теологического содержания [17, с. 6–11].

Публичные, или народные чтения в Оренбургской епархии проводились только в Оренбурге, в здании городской думы, и в Уральске, в помещении областного правления. Причем в Оренбурге они являлись платными, но несмотря на это, их посещали, по данным Михаило-Архангельского братства, до 2000 чел. ежегодно. Социальный состав слушателей таких чтений был разнообразным – чиновники, разночинцы, торговцы, ремесленники, и что было немаловажным обстоятельством, посещали беседы и раскольники, собственно для них и устраивались такие беседы.

По данным Е.М. Есиковой, содержание чтений составляли «статьи религиозно-нравственного и церковно-исторического характера, включая отклик на современную, актуальную для края и страны проблематику, например, сравнительная характеристика православной, мусульманской и языческой вер, о деятельности православных миссий, службе царю и Отечеству, распространенных светских развлечениях, светской науке, вреде злоупотребления спиртным и обществах трезвости и т.д. [18, с. 59].

Кроме того, публичные беседы проводили для различных социальных категорий. Для народа религиозно-нравственные чтения организовывались в здании регентской школы при Казанском кафедральном соборе Оренбурга. Успех их определялся тем, что подготовкой и проведением таких чтений и бесед занимались епископы Оренбургские и Тургайские лично: они составляли программы чтений, выбирали статьи, выдавали для иллюстраций чтений картины, которые находились в их личной коллекции, формировали концертную программу, которая неизменно сопровождала такие чтения и беседы [7, с. 10–11].

Несмотря на то, что чтения носили религиозный характер, епископ Оренбургский и Тургайский Владимир, например, стремился разнообразить их содержание, дополняя религиозную составляющую чтений «полезными знаниями из области истории, географии, астрономии, геологии». Так, 24 января 1899 г. состоялась беседа по теме «О страданиях Холмской Руси под игом польских иезуитов и о раздорах римских пап с иезуитами»; 21 февраля этого же года по теме «О небе и звездах» с демонстрацией 34 картинок; 21 марта – «О мученической кончине в татарской орде св. князей российских Михаила Тверского и Михаила Черниговского и подвигах самоотвержения св. благоверного князя Александра Невского для спасения России» с демонстрацией 36 картинок. За период с ноября 1898 г. по 11 апреля 1899 г. было проведено 19 религиозно-нравственных чтений, которые посетило 15200 чел. [7, с. 12–14].

Кроме того, епархиальные власти Оренбургской епархии считали принципиальным организацию внебогослужебных чтений и собеседований в сельских приходах епархии. Епископ Владимир в 1899 г. «требовал обязательной постановки чтений во всех церквях епархии и доставлении подробной о них отчетности», что было реализовано в полном объеме [7, с. 20]. Следует отметить, что строго определенного порядка и правил проведения религиозно-нравственных бесед в сельских приходах не было. Они проводились, главным образом, в осенние и зимние месяцы, иногда в воскресные или праздничные дни. Содержание бесед было разнообразным. «В большинстве случаев священнослужители посвящали беседы объяснению и толкованию дневного, воскресного или праздничного евангелия, истории праздников, объяснению символа веры, Божественного девятословия, кратких необходимейших и общеупотребительных молитв, молитвы Господней, евангельских заповедей блаженств, церковного богослужения, литургии, устройства храма и принадлежностей его... Предметами беседы были также догматы веры, церковно-исторические события, недостатки религиозной жизни народа, объяснение благочестивых обычаев и обрядов христианских и постановлений церковных, христианская нравственность, жизнеописание святых с нравственными

выводами уроков благочестия из их жизни, явления чудотворных икон с нравственно-назидательными приложениями, чудесные исцеления больных и т.д.» [7, с. 21].

В приходах Омской епархии организация и проведение внебогослужебных бесед на религиозно-нравственные темы относилась к компетенции епархиального комитета Православного миссионерского общества. Программа бесед, так же, как и в Оренбургской епархии, являлась крайне разнообразной, что должно было обеспечить их успех и популярность среди населения. В частности, в их ходе обсуждались «история церкви, толкование священного писания», разбирались «места, исправленные сектантами», излагалось «вероучение православной церкви, лжеучение сект».

В Петропавловске в начале XX в. внебогослужебные беседы проходили под непосредственным контролем Мефодия, епископа Петропавловского. Местами их проведения стали здания городских церквей, а также реального и ремесленного училищ. В реальном училище беседы были «рассчитаны на более интеллигентного слушателя, а в здании 4 городского училища – для рабочих». Масштаб организации внебогослужебных бесед в Омской епархии можно оценить по данным за 1915 г. Омский епархиальный миссионер Паншев сделал 155 выступлений, протоиерей М. Орлов – 55, священник П. Санхин – 133, священник В. Чемоданов – 30, священник Крылов – 11, иеромонах Серафим – 13, А. Ложкин – 74, А. Казаков – 12. Всего, таким образом, в Омской епархии в 1915 г. было проведено 596 внебогослужебных бесед с православной паствой [6, с. 24].

Священники епархий подчеркивали значимость и эффективность проведения такого рода мероприятий, их популярность среди населения. По их мнению, прекращение сектантской пропаганды в ряде населенных пунктов Оренбургской и Омской епархий, обращение в православие из раскола явились результатом проведения именно этих мероприятий.

Важное место в системе религиозно-нравственного воспитания населения Оренбургской, Омской и Туркестанской епархий отводилось школе. Необходимо было таким образом организовать обучение в них, чтобы по окончании школ, как писали «Оренбургские епархиальные ведомости», учащиеся имели «не с одним только запасом религиозных знаний, а с живою, сердечною верою в Бога и твердо воспитанною склонностью к исполнению Его святых заповедей» [15, с. 272]. Поэтому в 80-е гг. XIX в. на места преподавателей Закона Божия во все типы школ, подчиненных как церковному ведомству, так и различным министерствам, стали назначаться церковнослужители, имеющие богословское образование.

С утверждением в 1884 г. «Правил о церковно-приходских школах» духовенству были предостав-

лены значительные полномочия в деле организации образовательного пространства Российской империи. Согласно «Правилам» создавались два типа школ: 1) начальные – для начального образования детей и взрослых, к их числу относились церковно-приходские школы, школы грамоты и воскресные школы; 2) учительские – для подготовки учителей начальных школ. К ним принадлежали второклассные и церковно-учительские школы [19, с. 372].

Руководство и контроль за деятельностью церковно-приходских школ в границах епархий осуществлял училищный совет и его уездные отделения. Для местного наблюдения за школами назначались наиболее опытные священники. Начальные церковно-приходские школы были «одноклассными» (с двухлетним обучением) и «двухклассными» (с четырехлетним). В них изучались следующие предметы: Закон Божий, Священная история и объяснение богослужения, краткий катехизис, церковное пение, чтение на церковнославянском и русском языках, начальная арифметика. В двухклассных школах, кроме указанных предметов, давались первичные знания по истории Русской православной церкви и Российского государства. Закон Божий являлся центром всего образовательного процесса, определяющим собой направление преподавания других предметов. Объем преподавания данных предметов устанавливался специальными образовательными программами, утверждаемыми Училищным советом Синода. В подчинении духовного ведомства находились и школы грамоты, которые открывались, как правило, в малонаселенных пунктах. «Правила о школах грамоты» 1891 г. определили порядок их организации, источники финансирования под наблюдением священства.

На рубеже XIX–XX вв. в епархиях Казахстана в рамках задач религиозно-нравственного воспитания уделялось огромное внимание церковно-школьному строительству. Но в целом этот процесс осуществлялся более медленными темпами, чем по стране. К примеру, в Томской епархии с Семипалатинской областью в 1884 г. насчитывалось всего 29 церковно-приходских школ, в 1889 г. – 87 школ. Для сравнения в Киевской епархии к этому же времени имелось 1002 церковно-приходские школы, в Подольской – 814 школ, в Минской – 601 и Могилевской – 654 [20, с. 1]. Но несмотря на это церковно-приходские школы становились центрами религиозно-нравственного просвещения населения православных приходов. На их базе организовывались внебогослужебные религиозные чтения, вечерние школы для взрослых, формировались библиотечные фонды, различные кружки.

В рамках постановлений и решений Всероссийских миссионерских съездов, важным воспитательным моментом в приходах Оренбургской, Омской и Туркестанской епархий стал процесс создания различных обществ и кружков на базе приходских храмов

с целью пропаганды среди населения идей православия. Так, например, в марте 1913 г. в Семиреченской области Туркестанской епархии был образован Бахтинский Свято-Николаевский приходской кружок ревнителей православия. Его слушателем мог стать любой желающий. Руководителем кружка являлся священник-миссионер. Цель кружка предполагала подготовку из его членов «армии духовных борцов за православие, пожираемое ныне всевозможными еретическими и атеистическими лжеучениями». Задачей кружка становилось изучение Святого писания по предметам, пререкаемым инакомыслящими с православной церковью». Каждое занятие начиналось и заканчивалось священным песнопением, а в ходе его «делался доклад о положительном учении православия», после чего проводилась «беседа постоянных членов кружка» [21, л. 1–4].

Одним из методов повышения религиозно-нравственного уровня православного населения Степного края и Туркестанского генерал-губернаторства было распространение православной церковью религиозной литературы, обличающей старообрядчество и сектантство. Как подчеркивали сами миссионеры, «будучи религиозным, наш народ не совсем подготовлен к тому, что бы враз понять и усвоить предмет миссионерской беседы, которая проходит в силу этого для него чуть ли не бесследно. Брошюра же дает возможность человеку уяснить себе тот или иной пункт церковного учения и при случае сказать своему заблудшему брату слово вразумления и, таким образом, продолжить дело миссионера» [7, с. 43].

Значительную роль в деле закрепления морально-нравственного облика православных жителей епархий и борьбы с расколом и сектантством призваны были сыграть поездки епископов с целью обозрения епархий, совершавшиеся ими ежегодно. Маршрут посещения населенных пунктов выстраивался заранее, через епархиальные ведомости население оповещалось о предстоящей поездке. Во время поездок епископы совершали молебны, а в дни праздников – литургическое богослужение. Кроме того, по инициативе миссионерских братств устраивались различные паломнические поездки по святым местам епархий. Например, в Омской епархии такими местами являлось Чернолучье, Казанский монастырь. Важную воспитательную роль играли и крестные ходы по городам Омской, Оренбургской и Туркестанской епархий.

Таким образом, последняя четверть XIX – начало XX в. стали периодом качественно нового этапа миссионерской деятельности Русской православной церкви среди старообрядцев и сектантов. Главным содержанием этапа стало создание на территории Степного и Туркестанского генерал-губернаторств серии специальных структур в лице епархиальных комитетов Православного миссионерского общества, братств и внутренних миссий, целью деятель-

ности которых стало выявление и учет раскольников и сектантов в пределах их компетенции и пресечение сектантской и старообрядческой пропаганды. Важным направлением деятельности внутренней миссии стало

проведение целой серии мероприятий, призванных ограждать православное население от пропаганды раскола и повышать его религиозно-нравственный уровень.

Библиографический список

1. Алексеенко Н.В. Население дореволюционного Казахстана. – Алма-Ата, 1981.
2. Весь Томск за 1911–1912 г. : адресно-справочная книжка. – Томск, 1913.
3. Томские епархиальные ведомости (ТЕВ). – 1887. – 15 марта. – №6.
4. Российский государственный исторический архив. – Ф. 796. – Оп. 442. – Д. 1965.
5. Отчет о состоянии и деятельности Туркестанского епархиального Казанско-Богородичного Просветительского Братства за 1906 г. // Туркестанские епархиальные ведомости (ТурЕВ). – 1907. – 1 июня. – №11.
6. Отчет о деятельности Омского епархиального Миссионерского Совета за 1915 г. // Омские епархиальные ведомости (ОЕВ). – 1916. – 1 апр. – №7.
7. Отчет о деятельности Михаило-Архангельского Братства за 1898–1899 гг. // Оренбургские епархиальные ведомости (ОрЕВ). – 1900. – 1 сент. – №17.
8. ТЕВ. – 1889. – 15 дек. – №24.
9. ОЕВ. – 1899. – 1 янв. – №1.
10. Новости из жизни раскола // ОрЕВ. – 1907. – 22 марта. – №12.
11. Государственный архив Оренбургской области (ГАОрО). – Ф. 173. – Оп. 5. – Д. 10560.
12. Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). – Ф. 44. – Оп. 1. – Д. 3320.
13. ЦГА РК. – Ф. 64. – Оп. 1. – Д. 957.
14. ЦГА РК. – Ф. 44. – Оп. 1. – Т. 3. – Д. 3505.
15. ОрЕВ. – 1886. – 1 мая. – №9.
16. ЦГА РК. – Ф. 153. – Оп. 1. – Д. 18.
17. Отчет о деятельности Оренбургского Михаило-Архангельского Братства за седьмой год его существования, с 8 ноября 1892 г. по 8 ноября 1893 г. – Оренбург, 1893.
18. Есикова Е.М. Миссионерская деятельность Михаило-Архангельского братства (конец XIX – начало XX вв.) // Известия Алтайского государственного университета. – 2009. – №4/2.
19. Полное собрание законов Российской империи. Собр. третье. – СПб., 1884–1911. – Т. 3.
20. ТЕВ. – 1887. – 1 апр. – №7.
21. ЦГА РК. – Ф. 44. – Оп. 1. – Д. 4232.